

В. С. Измозик

Н. Н. Тагунов — корреспондент Сталина

Изучая прошлое, мы чаще всего обращаемся к истории событий: войнам, революциям, правлениям королей, царей и т. п. Но кроме истории событий, возможно ее изучение и понимание через историю людей. Не только личностей, стоящих на верхних ступеньках исторической лестницы, но и обычных людей, принимавших активное участие в тех или иных событиях. Ход событий в значительной мере определяет активное меньшинство. Огромную роль в этом активном меньшинстве играет, как правило, молодежь. Она верит в возможность скорого достижения того состояния окружающей жизни, которое представляется ей идеалом. В борьбе за идеалы молодые люди не склонны к компромиссам. Изучая российскую историю первой трети XX в., мы должны попытаться понять мысли, устремления, психологию этой части общества. Без этих людей не смогла бы одержать победу партия большевиков в ходе Великой Российской революции 1917–1922 гг., не смогла бы одолеть своих оппонентов группа Сталина в 1920-е гг.; невозможен был бы индустриальный скачок, оплаченный огромными жертвами и сломанными судьбами миллионов людей, в подавляющем большинстве российских крестьян. Вместе с тем эти функционеры в процессе борьбы сами попадали под жернова истории, становились палачами, жертвами и созидателями; пересматривали свое прошлое или пытались его оправдать.

Здесь мы попытаемся взглянуть на этих людей через биографию одного из них — Никифора Николаевича Тагунова. Он родился 13 февраля 1899 г. в большой семье квалифицированного рабочего, машиниста паровой машины

Измозик Владлен Семенович

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-
Бруевича (Санкт-
Петербург, Россия)

на бумаготкацкой фабрике в г. Муроме Владимирской губернии¹. В это время небольшой город начали будоражить новые веяния. Никифор закончил в Муроме в 1916 г. семь классов реального училища². Поступил в Киевский политехникум, где отучился полтора года. Здесь же, по его словам, в октябре 1916 г. он вступил в РСДРП³.

После начала Великой Российской революции Никифор вернулся в родной город. В это время большинство в Муромском Совете рабочих и солдатских депутатов принадлежало меньшевикам и эсерам. Большевицкая организация практически отсутствовала. 8 июня 1917 г. на квартире Н. С. Мамченко собралось около двух десятков большевиков. Был избран комитет, в который вошли И. П. Богатов — председатель, Белов и Тагунов. Для собраний сняли помещение в доме № 24 по Вознесенской улице⁴. Новая организация поставила перед собой основную задачу — расширение пропагандистской работы в массах. 16–17 июля прошла районная межгородская партийная конференция РСДРП(б) во Владимире. Делегатом от Мурома выступил Тагунов. Так как конференция приняла решение о присоединении к Иваново-Вознесенской окружной организации, то на окружную конференцию Иваново-Кинешемского промышленного района (18–19 июля) было избрано три человека и в числе их Тагунов⁵. В связи с этим с конца июля 1917 г. по февраль 1918 г. Никифор находился в Гусь-Хрустальном⁶.

В ситуации начинавшейся Гражданской войны обыденным явлением для членов партии становятся так называемые переброски: переезды из города в город, из губернии в губернию, с партийной работы на советскую, с советской на военную, с военной на чекистскую и т. п. В орбиту этих перемещений попадает и Никифор Тагунов. Некоторое время он уездный комиссар просвещения в родном Муроме, инициатор создания местной организации Союза коммунистической молодежи (комсомола)⁷. С конца февраля по апрель 1918 г. Н. Н. Тагунов на партийной работе в Орше⁸, ставшей пограничным городом после заключения Брест-Литовского мира. Из Орши возвращается обратно в Муром.

В конце июня уездный исполком поручил ему организацию уездной Чрезвычайной комиссии. Через несколько дней, 3 или 4 июля, на основании информации одного из местных коммунистов о подозрительном поведении уроженца Мурома, бывшего подполковника Н. П. Сахарова⁹, был произведен обыск у его матери. В ходе него было обнаружено 130 тыс. руб. По словам Антонины Васильевны Сахаровой, деньги достались ей по наследству, а сын Николай уехал в Нижний Новгород. Решено было дожидаться возвращения Н. П. Сахарова в Муром. 5–6 июля Н. Н. Тагунов выехал во Владимир. Вечером 8 июля подпольщики во главе с Н. П. Сахаровым подняли восстание, разоружили роту красноармейцев, арестовали многих советских работников. Тогда же Н. Н. Тагунов выехал из Владимира с отрядом. 10 июля утром отряд занял Муром. Восставшие бежали из города¹⁰. Добавим интересную деталь: за несколько лет до этого Сахаров и Тагунов вместе играли в любительском спектакле, поставленном в уездном училище¹¹.

Сам Никифор Николаевич в Личном листке по учету кадров, заполненном в 1924 г., утверждал, что в 1919–1920 гг. являлся председателем Владимирского

губкома, осенью 1920 г. работал в Харькове, а в дальнейшем, по 1922 г., занимал должность ответственного секретаря Владимирского губкома РКП(б)¹². Был в числе пяти делегатов с решающим голосом, избранных 11-й Владимирской губернской конференцией на X съезд РКП(б). 12 марта в составе группы почти из трехсот делегатов выехал в Петроград для подавления восстания в Кронштадте¹³.

К этому времени все больше стали проявляться некоторые особенности характера Никифора Николаевича: повышенная эмоциональность, поиски своего места в жизни, выбор будущей профессии. С октября 1921 г. по февраль 1922 г. Оргбюро ЦК несколько раз обсуждало его место работы и, наконец, 10 февраля решило удовлетворить просьбу Никифора Николаевича и откомандировать его в Социалистическую академию. Таким образом, наш герой начал учиться в Институте красной профессуры (ИКП)¹⁴ на философском отделении. Но систематической учебы не получилось из-за болезни, отвлечения на пропагандистскую и агитационную работу в ходе внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г.¹⁵ В это время он увлекся идеями Э. С. Энчмена¹⁶. В 1923 г. помог ему в издании его работы¹⁷.

Новый этап биографии начался в 1924 г. Положение Н. Н. Тагунова опять обсуждалось в ЦК РКП(б). На совещании заведующих отделами ЦК 7 февраля рассматривалась просьба Никифора Николаевича оставить его для научной работы при Социалистической академии. Было решено перенести вопрос в Секретариат ЦК. На следующий день, 8 февраля, о Тагунове докладывал Секретариату ЦК заведующий организационно-инструкторским отделом Л. М. Каганович. Решение отложили, переговорить с Никифором Николаевичем было поручено кандидату в члены Секретариата ЦК И. А. Зеленскому¹⁸. По словам Н. Н. Тагунова, И. А. Зеленский предложил ему работу в Коломне, сочетая ее с научными занятиями, что последнего не устраивало. Тогда Н. Н. Тагунов попросил направить его в один из крупных промышленных центров (Ленинград, Харьков)¹⁹. 14 февраля 1924 г. на очередном совещании заведующих отделами ЦК В. Г. Кнорин (заведующий информационным отделом ЦК) сообщил о заявлении Тагунова. Решили отправить Никифора Николаевича в распоряжение Ленинградского губкома. 15 февраля это решение утвердил Секретариат ЦК²⁰. Произошел очередной поворот в его судьбе. 1 марта 1924 г. секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов направил телефонограмму ответственному секретарю Ленинградского губкома РКП(б) П. А. Залуцкому: «Т. Тагунов в настоящее время отказался от энчменизма. ЦК направил его в Ленинград, имея в виду, что в такой здоровой организации, как Ленинградская, т. Тагунов выправится. Т. Тагунов способный работник»²¹.

В Ленинград Никифор Николаевич приехал вместе с женой, Валентиной Ивановной Суздальцевой. Она была землячкой мужа: родилась в 1897 г. в г. Меленки, в 39 км от Мурома, в мещанской семье. После окончания гимназии поступила на Высшие женские курсы, но ушла с 3-го курса в 1917 г. (в августе вступила в большевистскую партию). В годы Гражданской войны она секретарь (технический работник) горкома партии в Вологде, сотрудник Политотдела 6-й армии; секретарь Архангельского и Тамбовского губкомов; член армейской

парттройки 9-й армии. В мирное время сотрудник Наркомата просвещения²².

В Ленинграде Никифор Николаевич стал лектором при агитационно-пропагандистском отделе губкома партии, а 14 октября 1924 г. бюро Ленинградского губкома утвердило его заведующим агитотделом Центрального городского района²³. Теперь ему предстояла стезя партаппаратчика. На V районной партконференции, проходившей 27–28 декабря 1924 г., он вошел в президиум конференции, председательствовал на некоторых заседаниях, был избран членом бюро райкома²⁴. Валентина Ивановна по июль 1925 г. работала политредактором Гублита (Губернское управление по делам литературы, издательств и зрелищ), органа советской цензуры²⁵. В это время в семье была уже дочь Бина (род. в 1924 г.), а в начале 1926 г. родилась дочь Наташа²⁶. Характерно, что в анкете, заполненной 29 апреля 1926 г., Никифор Николаевич указал: «Связей с родней не имею давно»²⁷. Идеальный большевик порвал отношения с родными, не разделявшими его взглядов.

Работа в партаппарате не удовлетворяла молодого самолюбивого человека. В 1925 г. началось его эпистолярное общение со Сталиным. В архиве И. В. Сталина сохранилось шесть писем Тагунова к Сталину и одно письмо Сталина к Тагунову²⁸. Впервые Тагунов обратился к вождю 10 августа 1925 г. в связи со своими научными занятиями. Он писал Л. Б. Рошалю, тогдашнему помощнику Сталина: «Товарищ Рошаль! Пересылаю через Вас личный пакет товарищу Сталину. Прошу не задержать передачей. Н. Тагунов»²⁹. В пакете для Сталина имелась записка: «*Товарищ Сталин!* Посылаю Вам книжку “Коммунизм и демократия” (134 стр.). Считаю, что ее надо напечатать. Хотелось, чтобы и Вы прочитали. Если не найдете времени, передайте сведущему товарищу, отзыв которого даст мне указания к переработке или ускорит печатание. Здесь, в Л. К. [Ленинградском комитете], сдал экземпляр, но боюсь — тов. Зиновьев положит под сукно. Бухарину не посылаю по этой же причине»³⁰. Неизвестна реакция Сталина на это обращение, но эпистолярное общение продолжилось.

В это время в Ленинграде шло формирование так называемой новой оппозиции, возглавляемой Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Особенность этого процесса была в том, что обе стороны (оппозиция и ЦК РКП(б) во главе с И. В. Сталиным) старались до поры до времени не выносить свои разногласия наружу. Но одновременно шла подготовка к решающей схватке, которой предстояло произойти на XIV съезде партии. В этой ситуации в адрес ЦК поступило несколько писем от членов партии, информировавших партийное руководство о существовании в Ленинграде «фракции» со своими особыми взглядами на политику партии³¹. Среди них были и записки Н. Н. Тагунова И. В. Сталину.

Но прежде чем говорить о них, остановимся на том, что происходило в аппарате райкома Центрального городского района и на VI районной партконференции, проходившей с 21 по 23 ноября 1925 г. Ответственным организатором (первым секретарем) райкома до конца октября 1925 г. был А. Я. Клявс-Клявин³². 29 октября бюро Ленинградского комитета направило его ответственным секретарем Новгородского комитета партии. На освободившееся место был временно утвержден заведующий орготделом Г. А. Горячев³³ (вскоре был пе-

реведен в Выборгский район). 17 ноября его сменил А. И. Тойво³⁴. Именно при Горячеве и Тойво начался конфликт Тагунова с руководством райкома. Накануне 12 ноября он обратился с заявлением в бюро губкома. К сожалению, мы не смогли найти текст документа в делах бюро и секретариата губкома. Но зато известна реакция ленинградских руководителей на этот поступок. 12 ноября на заседании бюро губкома стоял вопрос «О подготовке районных, уездных партконференций и Губпартконференции». Первым пунктом в решении было записано: «Поручить Секретариату информировать т. Сталина по существу заявления т. Тагунова»³⁵. 17 ноября Никифор Николаевич был выведен из членов бюро райкома³⁶. Это говорит, что обращение Тагунова было совершенно неприемлемо для большинства руководства губкома.

В первый день районной партконференции, 21 ноября, делегаты заслушали доклад ответственного секретаря Ленинградского губкома Г. Е. Евдокимова³⁷ о работе губкома. В прениях получил слово Н. Н. Тагунов. Его выступление стало настоящей «бомбой» для присутствующих. Хотя Никифор Николаевич не забыл сказать, что имеются «величайшие политические достижения, которые может дать только Ленинградская организация», но все остальное им сказанное резко противоречило этой фразе. Начал он с того, что постановление ЦК от 14 октября 1925 г. по отчету П. А. Залуцкого о работе Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома было опубликовано в ленинградской печати без всяких комментариев и «активные партийцы вынуждены заниматься шушуканьем». Далее он критиковал губком за слабую связь с партийным активом и партийными низами, за слабую налаженность партучебы, за недочеты в партийной работе в деревне, за заброшенность клубов. Наконец, оратор заявил: «Мы имеем... неопределенную информацию, болтовню о каких-то разногласиях между Ленинградским губкомом и ЦК». В итоге он просил Евдокимова ответить на несколько вопросов: какие решения принимались в связи с выступлениями В. С. Богусhevского, какие предложения бюро губкома направило в Политбюро ЦК, какие директивы дало бюро губкома партийной печати города до обсуждения доклада Залуцкого на Политбюро и после решения ЦК³⁸.

В результате четверо следующих выступающих обрушились на Тагунова: «Тов. Тагунов своим выступлением все настроение испортил», «не Губернский комитет оторвался от масс и низовых организаций, а как раз т. Тагунов»³⁹. Г. Е. Евдокимов обратился к залу с просьбой: «В порядке дальнейших прений не касаться выступления т. Тагунова», ибо «у т. Тагунова наряду с практическими указаниями, отчасти правильными, есть нехорошая тенденция в его выступлении, так на эту нехорошую тенденцию позвольте ответить мне самому»⁴⁰. Тем не менее еще четверо ораторов метали в Никифора Николаевича молнии: «Не оказывать, особенно в низовых коллективах, поддержку таким настроениям», «Похоже на выступление обиженного чиновника», «Они [Тагунов и Богусhevский] совсем не орлы, но напакастить они могут»⁴¹. Значительную часть заключительного слова посвятил Тагунову Г. Е. Евдокимов. Он пытался доказать, что Тагунова ругали не за критику, а за неправду; что губком не скрывал резолюцию ЦК по докладу Залуцкого; и обвинил Тагунова в извращении фактов⁴². Никифор Николаевич, пользуясь правом на выступление

по личному вопросу, пытался напомнить, что выступал против Богушевского еще летом 1925 г. и вместе с другими голосовал за резолюцию о работе губкома. И сообщил, что на последних заседаниях конференции его не будет, поскольку он вынужден выехать в Москву⁴³.

23 ноября 1925 г. Тагунов был принят Сталиным⁴⁴. После встречи он пишет генсеку⁴⁵. Судя по первой фразе: «*Дорогой товарищ Сталин. Отвечаю на Вашу записку от 23.XI.25 г.*»⁴⁶, можно утверждать, что в данном случае инициатором переписки выступал сам генсек, а записка была получена Тагуновым в Москве. Сталина интересовали два вопроса: почему Тагунов обратился в бюро Ленинградского губкома 12 ноября 1925 г., требуя «снятия с руководящей партработы Гордона, Сафарова, Тойво», и мог ли он «заодно с этим сказать что-либо о той подготовительной работе, какую вели некоторые работники ЛК против ЦК, ведущего будто бы работу по линии “кулацкого уклона”»⁴⁷. В ответ на первый вопрос Тагунов сообщил: «Требую снятия этих товарищей с руководящей работы потому, что они организовали фракционную борьбу против ЦК партии. Будучи членами ЛК, они распространяют среди Ленинградской организации партии сообщения о том, что ЦК уже раскололся по вопросу о крестьянстве и фактическое большинство ЦК ведет кулацкую линию. Вместе с тем эти товарищи, вопреки решениям Сев. Зап. Бюро ЦК и Бюро ЛК, поднимали и поднимают Ленинградскую организацию против постановлений ЦК о работе Сев. Зап. Бюро ЦК. Обвиняю указанных товарищей. 1) Во фракционности. 2) В подрыве авторитета ЦК партии. 3) В подрыве авторитета Сев. Зап. Бюро ЦК. 4) В нарушении дисциплины членов ЛК»⁴⁸.

Отвечая на второй вопрос, он подробно описал ситуацию в руководящих партийных кругах Ленинграда со своей точки зрения, опираясь на разговоры с рядом товарищей. По его словам, в разговоре с Г. И. Сафаровым тот «сформулировал четыре пункта... а) *Против кулацкой линии большинства ЦК партии.* б) *За коллективное руководство внутри ЦК.* в) *Против постановлений ЦК о работе Ленинградской организации.* г) *Против снятия Залуцкого*», для подготовки партконференции и партийного съезда. Также Тагунов поведал о заседании так называемого кружка Зиновьева, прошедшем 25 сентября. В кружок были приглашены активные работники. Во вступительном слове Зиновьев «охарактеризовал современную эпоху — эпохой борьбы за ленинизм, за его истолкование, указывая, что даже в органах ЦК — в “Правде” и в “Большевике” — появляются уклоны от ленинизма, например, в крестьянском вопросе. Наше современное положение Зиновьев сравнивал с эпохой последних лет Маркса и Энгельса. Это в смысле опасности перерождения нашей партии, начиная с ЦК». Больше кружок не собирался⁴⁹. На основании известных ему фактов Тагунов считал, что в Ленинградской организации, не без ведома и влияния Зиновьева, ведется фракционная подготовка конференции и партийного съезда⁵⁰.

Далее он сообщал о своем решении «написать записку в Губком... с требованием поставить в известность партийный актив и организацию о разногласиях внутри ЦК и между ЛК и ЦК, если таковые имеются», и событиях, последовавших после передачи этой записки 10 ноября. С ним беседовали Куклин, Саркис, Наумов и Ярослав⁵¹, предлагая взять записку назад. В резуль-

тате этот «прием у Куклина, предложения, намеки и т. п. окончательно убедили меня в том, что группировка и ее фракционная работа являются фактом». В конечном счете Никифора Николаевича вывели из членов райкома, и 19 ноября он заявил Секретариату ЛК, что «считает отвод из состава РК и Президиума Конференции — фракционной расправой»⁵².

В тот же день Тагунов направил Сталину новое письмо, приложив к нему три документа: Отношение секретаря кружка тов. Зиновьева от 6 октября 1925 г.; Список товарищей из Центрального района (полученный им вместе с отношением секретаря кружка) и Объяснительную записку к программе районных и фабрично-заводских кружков по проработке книги тов. Зиновьева «Ленинизм». Здесь же Никифор Николаевич на двух страницах рассказал, что, по его убеждению, во фракционную работу втянуты профсоюзные и комсомольские работники. В частности, он сослался на секретаря РК Центрального района, члена ЦК РЛКСМ А. К. Середохина, который сказал ему после доклада Зиновьева о Пленуме ЦК, что «с Гришей [Зиновьевым] они говорили и он («Гриша») сам им заявил, что на собрании актива его доклад был хождением по канату»⁵³.

Стоит обратить внимание, что Никифор Николаевич и значительная часть его оппонентов были почти ровесниками, вступившими в партию до 1917 г. или до Октябрьского вооруженного восстания, прошедшими горнило Гражданской войны на руководящих постах; людьми, как правило, убежденными в своей правоте и не склонными уважать чужое мнение.

Безусловно, письма Н. Н. Тагунова были для Сталина далеко не единственной информацией о подготовке ленинградского руководства к открытой схватке на предстоящем XIV съезде партии. Но думается, что они имели определенное значение, поскольку исходили от недавнего члена бюро райкома Центрального района Ленинграда, опиравшегося в своем сообщении на разговоры с целым рядом руководителей города, входивших в ближний круг Г. Е. Зиновьева. На следующий же день после их получения, 27 ноября, Сталин переправил эти записки В. М. Молотову, А. А. Андрееву, А. С. Бубнову и Н. А. Угланову, заметив, что им «обязательно» нужно познакомиться с «раскольнической деятельностью некоторых членов Ленинградского Губкома»⁵⁴.

Но не менее важным делом Никифор Николаевич считал и свой философский труд. Тем более что Сталин в своей записке от 23 ноября обещал после партийного съезда просмотреть рукопись книги⁵⁵. Поэтому на следующий день, 27 ноября, он посылает Генеральному секретарю ЦК конспект своей книги, подготовленный 22 октября для кружка Зиновьева. В сопроводительной записке: «...предлагаю Вам конспект реферата <...> В конспекте сжато изложены те же мысли, что и во врученной Вам брошюре. <...> Если это Вас не затруднит, прошу просмотреть вместо рукописи прилагаемый конспект реферата. Просмотреть до съезда партии. Если это возможно, прошу Вас дать свои замечания и указания *не для печатания* (оно уже запоздало), а для моих дальнейших теоретических занятий в связи с главнейшими вопросами партийной политики...»⁵⁶

Реферат Н. Н. Тагунова назывался «Некоторые стороны теории и практики ленинизма (К вопросу об итогах Новой экономической политики)» и включал

шесть разделов: «Несоответствие политики и экономики — закон развития капитализма; Ленин обогатил диалектику и поднял ее на новую высоту; Ленинизм вытекает непосредственно из марксизма на почве вопроса о роли крестьянства в революции; Нэп есть “возврат” на единственно правильный путь перехода от капитализма к коммунизму; Государственный капитализм при диктатуре пролетариата и крестьянство; Рабочий класс и государственный капитализм при диктатуре пролетариата»⁵⁷. В первом разделе утверждалось, что «несоответствие экономики и политики — основной закон развития капитализма, форма проявления его основного противоречия»⁵⁸. Во втором разделе отмечалось, что Зиновьев и Быстрянский⁵⁹ «совсем проглядели» обогащенную сторону диалектики Ленина»⁶⁰. В четвертом разделе среди прочих тезисов подчеркивалось, что Ленин создал учение «о переходе от капитализма к социализму через государственный капитализм при диктатуре пролетариата. <...> Экономполитика 1918–21 гг. (как политика строительства социализма) была ошибочной от начала и до конца. <...> Главная особенность нашего положения: НЭП кончается... и в то же время мы должны непрерывно воспроизводить НЭП»⁶¹. В пятом разделе Никифор Николаевич нападал не только на оппозиционеров, но и на Н. И. Бухарина и его учеников, занимавших в тот момент идеологические высоты. Не стесняясь в выражениях, он указывал на «идиотизм некоторых партийных теоретиков (Бухарин, Слепков, Богуславский, Варейкис⁶²) в вопросе о кооперации», отмечал, что «вторая революция против кулака возможна. Но она не необходима», и «Николай Иванович кидается важными словечками и одновременно *боится слов*»⁶³. И делал общеполитический вывод: «Кулак + защитный + госплан (в смысле его “чисто” госкапиталистичес[еской] линии + совслужащий + “долевик” (человек, работающий за процент от прибыли. — В. И.) + Николай Иванович [Бухарин?] + троцкизм = в этой “смычке” ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ. А Устрялов⁶⁴ приложится потом». В шестом разделе реферата автор заявлял: «Коренная опасность в том, что наши достижения (госкапитализм) могут повернуться против нас. Это лучше всех видит г-н Устрялов. Это хуже всех понимают и видят многие из лучших наших идеологов»⁶⁵. Таким образом, Н. Н. Тагунов, по сути, претендовал на роль партийного идеолога, подлинного ленинца, не останавливающегося перед критикой любых товарищей по партии и указывающего на коренные вопросы строительства социализма. Сталин не ответил Никифору Николаевичу, хотя при личной встрече, которая состоялась 23 ноября, незадолго до XIV съезда, обещал после съезда посмотреть его труд⁶⁶.

Можно не сомневаться, что в декабре 1925 — январе 1926 г. Никифор Николаевич был одним из тех ленинградских партийцев, кто поддержал большинство XIV съезда и боролся за смену руководства города. 13 февраля 1926 г. первым секретарем Ленинградского губкома партии был избран С. М. Киров. 26 марта Г. Е. Зиновьева на посту председателя Ленинградского Совета сменил Н. П. Комаров. Происходила большая чистка аппарата, особенно партийного. 20 марта 1926 г. рабочая коллегия агитотдела Ленинградского комитета (ЛК) утвердила Тагунова заведующим подотделом учета местного опыта. Едва ли такое перемещение с перспективой бумажной работы могло обрадовать амби-

циозного молодого человека, имевшего за спиной достаточно высокие посты во время Гражданской войны. Тем более что его продолжали волновать теоретические проблемы строительства социализма.

18 мая 1926 г. он вновь обращается к Сталину с письмом, начинающимся словами: «Дорогой тов. Сталин! У меня почти нет надежды, что Вы решите затратить время на чтение пересланной Вам 16/V с. г. рукописи. Тем более что это вторая рукопись на продолжении года, что дает естественный повод думать о несерьезности автора и его попыток»⁶⁷. Далее он пересылает Сталину копию своего письма Е. М. Ярославскому от 17 мая 1925 г.⁶⁸ Дело в том, что Тагунов из части своей рукописи подготовил статью в журнал «Большевик». В результате редакция переслала ему замечания члена редколлегии А. Н. Слепкова в форме письма Ярославскому, который, в свою очередь, написал Тагунову, что считает эти замечания правильными, и советовал внести поправки в подготовляемую книгу⁶⁹. А. Н. Слепков сделал несколько основных замечаний: «Автор отождествляет предпосылки социализма, подготовленные капитализмом, с самим социализмом. <...> От этого марксизмом и не пахнет. <...> Автор дает нелепое определение НЭПа. <...> Автор неверно изображает точки зрения критикуемых им Бухарина и Слепкова и воюет здесь с ветряными мельницами»⁷⁰. Отрицательный отзыв на эту же статью Тагунов получил и из редакции журнала «Под знаменем марксизма»⁷¹. Никифор Николаевич с этими замечаниями абсолютно не согласился и, по сути, отвечая Ярославскому и указывая, что по вопросу о сути социализма «Бухарин стоит на одной почве и с Троцким, и с ультралевыми»⁷², приглашал Сталина быть арбитром в этой полемике. Ответа Сталина он опять не получил.

В этой ситуации 13 августа 1926 г. он подает заявление в Секретариат ЛК с просьбой о месте в Москве в одном из научных учреждений партии. Видимо, в это же время он обращается в Секретариат ЦК ВКП(б), прося отозвать его из Ленинграда, направить на научно-исследовательскую работу в Москву с учетом возможной разработки двух тем: «Отношение коммунизма к демократии» и «Маркс и Энгельс о социализме и капитализме при диктатуре пролетариата»⁷³. 15 ноября 1926 г. Секретариат ЛК постановил направить Тагунова в распоряжение ЦК ВКП(б)⁷⁴. В марте 1927 г. он поступил в Институт красной профессуры на экономическое отделение, думая, что Орграспред ЦК после истории с энчменизмом на философское отделение его не допустит; а затем все-таки перешел на философское отделение⁷⁵.

О психологическом состоянии Тагунова можно судить по его пространному письму к Сталину от 16 октября 1927 г. Текст написан синими чернилами на шести страницах в клетку, скорее всего вырванных из блокнота⁷⁶. Для Сталина была сделана машинописная копия, и на первой странице синим карандашом в левом верхнем углу надпись: «Молотову»⁷⁷.

Н. Н. Тагунова, конечно, продолжали мучить двусмысленные фразы Сталина во время их личной беседы в декабре 1925 г.: «У нас есть свои Сапроновы»⁷⁸; «Вся эта история с моим выступлением против оппозиции “имеет нехороший привкус”». Упоминание Сапронова было связано с тем, что, по общему мнению, Тимофей Васильевич отличался от других деятелей оппо-

зиции бóльшим радикализмом. Сталин тем самым указывал Тагунову, что тот пытается «бежать впереди паровоза». Никифор Николаевич напомнил Сталину, что после XIV съезда его «потихоньку отпихали от живой партийной работы». Поэтому он объяснял свое поступление в ИКП несколькими причинами, в том числе стремлением «отойти в сторону от практической работы ввиду сложившегося отношения... со стороны ЦК и недоверия со стороны ленинградских товарищей»⁷⁹. Но к моменту написания письма Тагунов уже считал, что дальше ему «нечего делать в Институте»⁸⁰.

Позволю себе привести выдержку из дальнейшего текста письма, характеризующего душевное состояние Никифора Николаевича (подчеркнуто Сталиным синим карандашом):

«Таким образом получается, что... остаюсь в Институте лишь для того, чтобы уйти от практической работы ввиду тяготевших надо мной подозрений со стороны ЦК и недоверия со стороны Ленинградской организации. <...> Хочу работать, т. Сталин, а не философией заниматься. <...> Год назад, расставаясь с Вами, я затаил обиду на то, что обозвали Вы меня, хотя и своим, но Сапроновым. Не понял я тогда своей ошибки. За год перебрал я в голове все, что писал, говорил или думал до XIV съезда, и немного после я понял, что мое поведение тогда было именно поведением "своего Сапронова". Соглашаясь с линией ЦК (тогда большинства ленинцев), не доверял полностью товарищам, которые ее проводили. Предлагал дискуссию. Требовал в 1925 году по отношению к оппозиции таких мер, на которые еще не готова была организация. По-видимому, обострял своим буфером разногласия. Словом, вылез из рядов, выбился из колеи общей работы. Вы были правы, тов. Сталин, и я зря затаил тогда на Вас обиду. Но не хочу быть Сапроновым, хотя бы и своим, а хочу быть партийцем и большевиком. Не из тех я, кто с чистым челом переживает недочеты и неудачи нашей борьбы и работы, хотя и умею в работе скрыть свое страдание под лукавую улыбку. <...> И никогда не сомневался в возможности построения социализма в нашей стране, хотя и относился иногда недоверчиво к отдельным звеньям нашего руководства, подозревая их в сомнении на счет этого построения. Нечего греха таить — ставил под вопрос годность для руководства таким построением отдельных членов нашего ЦК.

Но разве один я у вас в партии, который, не соглашаясь с оппозицией и идя против нее, подумывал о том, а крепко ли у вас там в ЦК, а искренняя ли ваша линия? Разве запрещено члену партии и большевику об этом беспокоиться? Нет, тов. Сталин, я не один в партии, который, как Фома неверный, убеждался после смерти Владимира Ильича в верности ему своего ЦК, грубо прикладывая пальцы к ранам, не сразу доверяясь его руководству. Разве это запрещено большевику и даже старому большевику? Старому, пожалуй, непростительно, а я ведь у вас большевик-то молодой, не только из молодых, но моложе.

Постояв в стороне и поразмыслив, я не вижу теперь никаких оснований не доверять своему ЦК и хочу, чтобы ЦК тоже снял с меня свое подозрение. Тяготит оно меня, тов. Сталин. Знаю, что ЦК не принимал всерьез болтовню оппозиции о моем карьеризме и шкурничестве <...> Если же ЦК не может снять с меня своего подозрения — пусть вычеркнет из списка ответственных, — много новых людей выросло и свет клином на мне не сошелся, — вычеркнет и отпустит на производство. Отец подучивал меня работать дома, сам я был большой охотник, не забыл ремесла и до сих пор, и через 2–3 месяца из меня выйдет неплохой слесарь, а если надо, то и столяр заодно. Горе же в народе легче размыкать. Вот как обстоят дела у меня, тов. Сталин, со времени беседы с Вами. Вы обмолвились тогда мимоходом, что «правда пробьет себе дорогу». Я тоже уверен в этом. Скажите же — что мне делать?»⁸¹

И. В. Сталин ответил ему 25 октября 1927 г. Генеральный секретарь ЦК писал:

«Тов. Тагунов. Письмо Ваше от 16.X получил. С ответом опаздываю ввиду объединенного пленума ЦК и ЦКК⁸². Письмо читали Секретари ЦК. При обсуждении Вашего письма мы пришли к тому выводу, что: а) сомнения, мучившие Вас, переживались в свое время всеми, или почти всеми ответственными работниками, ввиду чего они не могут представлять чего-либо из ряда вон выходящего; б) если и было у ЦК сомнение насчет Вас (оно действительно было), то оно уже прошло, а Вы его непомерно преувеличили; в) мы считаем необходимым так же, как и Вы, Ваш переход на практическую партийную работу теперь же; г) если Вы зайдете на днях к Молотову или Косиору⁸³, то можно будет договориться о Вашей партийной работе конкретно. С комм. приветом [подпись]»⁸⁴.

Но прежде чем распрощаться с Институтом красной профессуры, Николай Никифорович 21 ноября 1927 г. обратился к Сталину с новым письмом, сигнализируя об опасности на философском фронте борьбы с классовым врагом и оппортунистами. Напомню о том, чем был занят генеральный секретарь ЦК в эти дни и недели. 23 октября 1927 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. 7 ноября 1927 г. оппозиция во главе с Троцким и Зиновьевым пыталась провести контрдемонстрацию в Москве и Ленинграде. 14 ноября 1927 г. объединенное собрание ЦК и ЦКК исключило их из рядов ВКП(б). 2 декабря предстояло открытие XV съезда ВКП(б), который должен был окончательно покончить с оппозиционными течениями в партии.

Письмо Н. Н. Тагунова — красноречивый документ времени. Подлинник представляет пять блокнотных листов в клетку. На первом листе заголовок: «Суть дела». Текст написан черными чернилами, в два столбца на шести страницах. Последний лист содержит один столбец, а также перечень приложений: 1) Копия письма тов. Троицкому от 18/XI-1927; 2) Копия заявления в Правление ИКП от 17/XI-1927; 3) Оригинал ответа Дмитриева-Карева от 27/X-1927⁸⁵. Начинается письмо с краткого изложения темы: «Между некоторыми руководящими работниками партии в теории — с одной стороны, и троцкистами теоретиками — с другой, существует (или возникает) *особый блок*. Он сложился (или складывается) на почве отказа как тех, так и других от полного торжества ленинизма в теории. К этому блоку причастны и меньшевики. Надо полагать, что такой блок указанных товарищей с троцкистами имеет свою другую сторону (или основу) в текущей практической борьбе. Важнейшее отношение к указанному блоку имеют такие центры, как Институт Ленина, ИКП и Институт Маркса — Энгельса»⁸⁶. Это означало, что Никифор Николаевич выдвигал серьезнейшие политические обвинения против руководящих идеологических партийных центров. Что же стало поводом к таким обвинениям и в чем они заключались?

13 сентября Н. Н. Тагунов сдал в правление ИКП набросок «К критике идеалистической философии (опыт материалистической дружбы к гегелевской диалектике)» на имя профессора А. Я. Троицкого⁸⁷. В своем сочинении автор представил план намеченной критики идеализма и изложил ее исходный пункт — процесс становления суждения. Заканчивался набросок очерком истории философии: от Гераклита до Гегеля включительно. Н. Н. Тагунов высказал «ряд упреков современным работникам по философии марксизма в том, что они игнорируют многие указания Ленина о наших очередных теоретических задачах... Также указано, что предлагаемый [Тагуновым] опыт

материалистической дружбы к гегелевой диалектике есть попытка отчасти продолжения, а главное — конкретизации поставленной перед современным марксизмом Лениным задачи диалектической обработки истории человеческой мысли <...> сделан резкий упрек бывшему (троцкистскому) руководству “Под Знаменем Марксизма” и Ком[мунистической] Академии, что они ряд лет держали в философии курс на Плеханова, а не на Ленина»⁸⁸. Таким образом, наш герой снова пытался не просто написать очередную философскую статью, а выступить в роли серьезного теоретика философии марксизма. Ввиду болезни А. Я. Троицкого работа была передана на отзыв преподавателю ИКП Дмитриеву. 27 октября последний подготовил краткую негативную рецензию: «Доклад крайне претенциозный. Способ подхода к проблемам — “филологический” — с точки зрения “речевых смыслов” и “условных рефлексов”. Доклад в целом можно охарактеризовать как повторение энчмениады в своеобразной форме с громкими декларациями на тему о диалектическом материализме и гегелевской диалектике. Обращают внимание также поверхностные аналогии с некоторыми экономическими постановками». Внизу была сделана приписка: «Присоединяюсь к отзыву тов. Дмитриева. Ник. Карев»⁸⁹.

Вполне понятно, какова была реакция импульсивного автора. 17 ноября он подал заявление в Правление ИКП с просьбой снять с обсуждения вопрос о его переходе на философское отделение, поскольку счел отзыв Н. А. Карева «совершенно ненаучным, тенденциозным и антиленинским», а также ускорить оформление своего учебного положения на экономическом отделении на основании отзыва Н. С. Березина на работу «Строительство социализма и рента»⁹⁰. 18 ноября 1927 г. Никифор Николаевич пишет письмо А. Я. Троицкому (в копии — это шесть машинописных страниц), протестуя против отзыва на свою философскую работу, считая подлинным автором отзыва Н. А. Карева⁹¹. Он обвиняет его не только в философском невежестве, но придает полемике политический смысл. Вот несколько тезисов из этого письма: «Мещанской фразой о претенциозности Карев дезавуирует обсуждение задач борьбы за торжество ленинизма в философии. <...> Лживость утверждения Карева о моем “способе подхода” к проблемам очевидна»; «Партия лучше Карева знает мое действительное отношение к энчменизму»; научное и философское «кредо Карева состоит в том, что по-мещански отказываясь от обсуждения вопросов борьбы за торжество ленинизма в философии марксизма, он прибегает ко лжи и пошлости, чтобы сорвать выполнение *главной* задачи, поставленной Лениным перед современным марксизмом, — анализ логической формы; в критике метода ее анализа он прямо борется против Маркса и Ленина. К тому же это свое “кредо” он преподносит в формы фразы, презрительно и грубо сплюнутой через губу самовлюбленного нарцисса. Таково научное и философское кредо троцкиста Карева, такова реакционная роль его в науке, такова его *тактика* борьбы против нашего стремления к торжеству ленинизма в философии марксизма»⁹².

Не удовлетворившись этим, Никифор Николаевич через три дня, 21 ноября, пишет письмо Сталину, где обвиняет уже не только «троцкиста» Н. А. Карева, но и, как было указано выше, целый ряд ведущих идеологических учреж-

дений партии и их руководителей. Персонально, по его мнению, это, во-первых, А. Я. Троицкий, который «обнаружил свой блок с троцкистом Каревым», а тот «не просто троцкист, а философская голова троцкизма» и «вожак кадров троцкистских в И. К. П. и других научных учреждениях»⁹³. Во-вторых, в своем обвинении он объединил Троицкого с А. М. Дебориным и Д. Б. Рязановым⁹⁴. В основу обвинения Н. Н. Тагунов положил неверную, по его мнению, расшифровку ими одного из фрагментов рукописной заметки В. И. Ленина «К вопросу о диалектике»⁹⁵. В журнале «Большевик» этот фрагмент был напечатан с пропуском неразобранных слов⁹⁶. Затем, в журнале «Под знаменем марксизма», заметку опубликовали с предисловием А. М. Деборина⁹⁷. В сноске указывалось, что непонятное место расшифровано Институтом Маркса и Энгельса⁹⁸. Для читателей это означало авторство Д. Б. Рязанова и согласие с ним А. М. Деборина. В результате тезис звучал следующим образом: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества (подчеркнутые слова требовали расшифровки. — В. И.) у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»⁹⁹.

Именно на это место обрушился Никифор Николаевич, заявляя, что «расшифровка Рязанова — Деборина извращает Ленина»¹⁰⁰. Чем же эти два слова не угодили молодому большевику? Из-за чего загорелся сыр-бор? Что предлагает сам Тагунов? Далее идет удивительный пассаж, демонстрирующий реальное отношение к ленинскому наследию: «Вполне возможно, что неразобранные *буквы* тезиса Ленина о диалектике говорят в пользу деборинско-рязановской его расшифровки. Не исключено. Но если это даже и так, то большевикам нельзя следовать за буквоедами и меньшевиками в “расшифровке”, т. е. в понимании Ленина, ибо их (меньшевиков и буквоедов) задача *замазать* различие Ленина от Плеханова в философии марксизма. Независимо от буквы этого тезиса и вопреки буквоедам сторонники торжества ленинизма в философии обязаны были трактовать и опубликовать этот тезис Ленина так: “диалектика категорий буржуазного общества есть лишь частный случай диалектики человеческого познания”. Нечего бояться слов»¹⁰¹.

На основании некоторых философских различий в трактовке ленинского текста делается обличительный вывод: «Старый плехановский груз отвлеченного патернализма тянет Деборина вспять (напоминает о меньшевистском прошлом Деборина. — В. И.). Деборину не переделать Ленина в себя, как бы он ни старался прикрываться в этом Буквоедом и маркой его Института. Не выйдет. Итак. Рязановско-деборинская “расшифровка” тезиса Ленина о диалектике: 1) Обходит специфическое различие Ленина от Плеханова в философии марксизма; 2) Впадает в идеализм и абстракцию; 3) Подает руку механистам (природа вообще!) и богдановцам (движение без материи!); 4) Текстуально и логически недостаточна; 5) Разоблачает “расшифровщиков” как антиленинцев, антидиалектиков, как мелких буржуа, уходящих от конкретного в абстракцию»¹⁰². В заключение Н. Н. Тагунов обращал внимание Сталина на то, что такая позиция «ответственных представителей партийной линии в теории... вредна и опасна для дела борьбы за торжество ленинизма в теории, и именно

ею надо объяснить тот факт, что продукция таких партийных теоретических школ, как ИКП, дает слишком много троцкистского угара»¹⁰³.

Современный читатель, ознакомившись с этим документом, безусловно сочтет его политическим доносом, не лишенным элемента личной заинтересованности. Между тем я уверен, что сам Никифор Николаевич был в то время убежден, что ведет себя с большевистской прямоотой, невзирая на лица, считая своим долгом высказать свое мнение. Надо честно сказать, что и поносимые им философы также не отличались в своих трудах уважением к оппонентам. Любопытно, что в данном случае наш герой опять оказался «нашим Сапроновым», забежав «вперед паровоза». На первой машинописной странице в левом верхнем углу резолюция: «В личный архив. Копия письма Тагунова»¹⁰⁴. В этот момент Сталину еще предстояло взойти на политический олимп. Окончательный диктат в области идеологии будет устанавливаться позднее. В этой связи представляется весьма уместным привести высказывание о Сталине В. М. Молотова в беседе с поэтом Ф. Чуевым: «Сталин, в общем, умел использовать и троцкистов, и правых, но, когда потребовалось, тут уж, конечно, полетели щепки. <...> А вот до каких пор можно использовать, тут можно и ошибиться: либо слишком рано с ними разделаться, либо слишком поздно»¹⁰⁵. Вот этого не понимал Никифор Николаевич. Талантливейший постепеновец Сталин наводить свой порядок в общественных науках начал позднее.

Атаку на философском фронте вождь начал руками Е. М. Ярославского в марте 1930 г., а 9 декабря 1930 г. на встрече с бюро ячейки Института красной профессуры философии и естествознания лично дал название деборинскому течению: «меньшевиствующий идеализм»¹⁰⁶. И хотя М. Б. Митин, П. Ф. Юдин и другие обвинители и ниспровергатели А. М. Деборина, Н. А. Карева, Д. Б. Рязанова и их коллег использовали, в частности, инструментарий Н. Н. Тагунова, сам он оказался в стороне от этих «плясок на костях поверженных». Их ждали высокие звания, высокие должности и роль «верных сталинских псов».

Никифор Николаевич все же покинул ИКП и вернулся в Ленинград. 13 марта 1928 г. Секретариат Ленинградского обкома утвердил его в должности инструктора обкома, и 4 апреля он приступил к работе¹⁰⁷. 25 марта 1929 г. Секретариат обкома удовлетворил просьбу Н. Н. Тагунова — направить в распоряжение Выборгского райкома, где уже длительное время работала его жена. С августа 1927 г. она являлась ответственным секретарем коллектива РКП(б) фабрики «Красная нить», членом бюро райкома¹⁰⁸. Между тем Никифор Николаевич и на новом месте не испытывал удовлетворения от работы. Об этом можно судить по его письму С. М. Кирову, без даты, отправленному во время лечения в санатории № 8 (Мацеста, Сочи). Н. Н. Тагунов писал: «Прошу освободить меня от работы в кооперации и отпустить в Москву для продолжения научной работы в Институте Маркса и Энгельса. <...> Работая слесарем на заводе “Красная Заря”, я не бросал научную работу. Но по предложению РК пришлось сняться с производства в завком... Ошибочно считая меня массовиком-практиком, РК послал теперь в кооперацию». Далее Тагунов указывал, что на заседании бюро райкома он заявил, что это неправильное решение, но, подчиняясь ему, проработал на новом месте четыре месяца; предлагал вместо себя Абрамова

и просил обком отозвать его из кооперации и отпустить в Москву¹⁰⁹. Можно предположить, что письмо было направлено в конце 1930 — начале 1931 г. В итоге 14 марта 1931 г. Секретариат обкома согласился откомандировать Тагунова для работы в Институт Маркса и Энгельса¹¹⁰. Но требовалось еще согласие Москвы. Лишь 24 июня 1931 г. Секретариат ЦК удовлетворил просьбу Никифора Николаевича «о командировании его в Институт Маркса — Энгельса — Ленина для продолжения научной работы»¹¹¹.

Судя по известным нам документам, в Институте Маркса — Энгельса — Ленина карьера его не сложилась. До 1937 г. он был заведующим Бюро научных консультаций¹¹². Последнее известное нам письмо Тагунова к Сталину датировано 25 декабря 1934 г. и является откликом на смерть С. М. Кирова в ситуации усиленного поиска врагов, «перерожденцев» и прочей «нечисти». Теперь Никифор Николаевич обвинял своих бывших товарищей в обмане партии и готовности к тяжелейшим преступлениям. Не очень понятно, почему главной фигурой он избрал Николая Павловича Комарова, бывшего председателя Ленинградского Совета¹¹³. Безусловно, он знал о столкновении нескольких старых большевиков, в том числе и Комарова, с Кировым в конце 1929 г. Этот конфликт закончился переводом Комарова в Москву, но с сохранением его в номенклатуре. Никифор Николаевич предстает здесь в весьма неприглядном виде. Письмо Тагунова занимает два с половиной блокнотных листа в клетку. На первой странице красным карандашом резолюция Сталина: «Архив С.»¹¹⁴. На последней странице внизу сделана надпись: «По распор[яжению] т. Поскребышева¹¹⁵ Копия послана т. Жданову¹¹⁶ 1.1.35 г.». Приведем текст письма.

«Уважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

Факты говорят за то, что банда зиновьевских убийц была подведена к тов. Кирову не кем иным, как Комаровым и его кадрами, и подводили они эту банду к нему систематически. Например, такой факт. Ленинградские рабочие большевики изгоняли Румянцева¹¹⁷. А люди Комарова его систематически старались пристроить. Когда в Выборгском районе секретарил Пылаев¹¹⁸, то Осипов¹¹⁹ с Абрамовым¹²⁰ устроили Румянцева зав. Домом Культуры. Дело дошло до того, что Никитин предложил его в состав райкома. Это было уже во время прихода Струппе¹²¹, он таким образом был выявлен, показан активу (вопреки, видимо, «благим» намерениям Никитина кому-то услужить) и актив категорически потребовал его немедленно убрать и из района, и из Ленинграда. Что и было сделано при Струппе. Тем не менее потом, при Царькове¹²², Румянцев опять появляется в районе, и Осипов с Абрамовым ставят его секретарем Райсовета. Никитина же, в свое время предлагавшего ввести Румянцева в райком, Царьков вводит в состав бюро райкома. Кадрами в это время практически управлял в обкоме Осипов — правая рука Комарова.

О том, что банду эту комаровцы вскармливали систематически и с каким-то расчетом политическим, говорит и то, что действительно преданных партии людей, которые с зиновьевцами никогда на сделку не шли и не пойдут, они систематически оттирали от Кирова и из Ленинграда выкуривали.

Ведь это же факт, что меня с «Красного Выборжца» Царьков с Абрамовым сняли, вместе со мной выбили из рядов Суздальцеву (жену Н. Н. Тагунова. — В. И.) и не нашли ничего лучшего, как послать на «Красный Выборжец» указанного Никитина. Найдутся и другие факты, если покопаться в этом деле поглубже. Люди эти совершенно беспринципные и, Вы меня извините, но держать таких людей в ЦК и в его аппарате без опаски нельзя. Напускают они и подведут с тыла банду не к одному, а к ряду работников. Осипов сидит теперь поблизости от Кагановича, Бабицын¹²³ около Ежова, надо посмотреть, нет

ли подобного рода людей и близ Ворошилова, и подумать о том, как бы обезопасить себя от этого их качества пропускать банды с тылу. Может быть, я преувеличиваю, но у меня нет никакой уверенности, что Комаров и его люди искренне и идейно идут за ЦК, а не лгут и фальшивят. Ведь говорил же *Сааков*¹²⁴ — нач. Политуправления ЛВО Фролову накануне XIV съезда — “ты поосторожней с Тагуновым — еще неизвестно, чья возьмет”, а ведь он был левее Комарова и ближе к ЦК. Не случайно, что банда эта окопалась в так назыв[аемом] «Истмоле» [Комиссия по изучению истории Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи и юношеского движения в СССР], в Ленинграде Истпартом [Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии] заведует, как известно *Понамарев* — другая рука Комарова.

Теперь у них здесь в историко-партийном ИКП квалифицируется *Блюменталь*¹²⁵ — бывший зиновьевский лакей и зав. информацией Комарова. Неплохой будет фальсификатор истории большевизма в Ленинграде. Ну а *Свешников*¹²⁶ несомненно держался специально для того, чтобы изолировать от КИРОВА опасных для них людей и перехватывать их письма к Кирову.

Сигнализировал я в свое время и Кирову, и ЦК, что душит партийных людей в Ленинграде комаровская беспринципная шайка, но писал не прямо, а намеком, и, видимо, в этом была моя большая ошибка¹²⁷.

Из документов видно, что никакого «удушения» Н. Н. Тагунова на деле не было. Он сам просил и в 1926 г., и в письме С. М. Кирову в 1931 г. отпустить его из Ленинграда в Москву для работы «в одном из научных учреждений партии», указывая, что его способен заменить на работе в кооперации именно Абрамов, обладающий качествами «массовика-практика». И эта просьба каждый раз удовлетворялась. На тот момент, когда 14 апреля 1931 г. Секретариат Ленинградского обкома партии постановил откомандировать его для работы в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, он был членом президиума Выборгского райсовета¹²⁸.

Но еще более, чем содержание письма, интересна реакция Сталина, увидеть которую позволяют оставленные им пометы. В левом верхнем углу карандашом резолюция Сталина: «Читал. Возможно, что т. Тагунов прав. И. Ст.». В тексте письма около фамилий Осипова, Абрамова, Никитина, Царькова Сталин карандашом сверху надписал: «(комаровец)»¹²⁹. Машинописные копии были направлены Ворошилову, Кагановичу, Молотову и Орджоникидзе.

Сам Н. Н. Тагунов 24 ноября 1957 г. написал своему партийному товарищу Накоряковой такие строчки¹³⁰:

На память о совместной чистке Партии в 1934–1935 гг.

Мы Гению дорогу расчищали,
Когда из Партии порой
Друзей своих с тобою
Так беспощадно исключали...
И гневной, властной рукой
Их этим убивали...

Но Сталина неслучайно называли «мастером постепенщины». Еще около двух лет Н. П. Комаров и его товарищи по Ленинграду занимали ответственные посты, входили в руководящие партийные органы. В ситуации разворачивавшегося Большого террора Н. П. Комаров стал одной из его жертв.

Уже на пленуме ЦК в декабре 1936 г. Николай Павлович был подвергнут резкой критике за то, что у него в наркомате «вредительства и всяких пакостей имелось немало, пакостей, которые сознательно проводили троцкисты и правые...»¹³¹ Он был арестован 11 июня 1937 г. 21 октября 1937 г. попал в список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного суда по первой категории (то есть к расстрелу), подписанный Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым. Военной коллегией Верховного суда СССР 27 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 17 марта 1956 г. 22 марта 1956 г. Комитетом партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС восстановлен в партии¹³².

Любопытно, что для А. А. Бабицына, Н. Ф. Свешникова, упомянутых в письме, оно не имело печальных последствий. Для Никифора Николаевича это обращение также, видимо, ничего не изменило в его жизни. С 22 июля 1937 г. он трудился в Главлите, политредактором социально-политической литературы¹³³. В 1940 г. у него на работе произошел какой-то конфликт, и он был исключен из партии «за невыдержанность»¹³⁴. Но, видимо, вышестоящие инстанции это решение отменили, ибо Никифор Николаевич не только 19 июня 1940 г. ушел из Главлита на пенсию по инвалидности, но руководство Главлита ходатайствовало о назначении ему персональной пенсии¹³⁵. За время работы в Главлите у него завязались знакомства с рядом деятелей советской культуры. Его жена, Валентина Ивановна Суздальцева, после переезда в Москву с сентября 1932 г. по июль 1934 г. училась на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). В это время ее настигла болезнь, и Валентина Ивановна сконцентрировалась на литературной работе¹³⁶. В 1936 г. вышла ее книга «Партийная работа на Северном фронте. 1918–1919 гг.»¹³⁷. С мая 1937 г. по декабрь 1940 г. она политредактор Главлита. С декабря 1940 г. пенсионерка. Во время войны супруги с сентября 1941 г. по март 1943 г. находились в эвакуации в Уфе. В апреле 1943 г. вернулись в Москву.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, Н. Н. Тагунов писал стихи, которые время от времени посылал П. И. Чагину, В. Я. Кирпотину¹³⁸ и, возможно, другим корреспондентам. Например, 15 мая 1956 г. он написал два стихотворения В. Я. Кирпотину, которые доказывают их неформальные дружеские отношения¹³⁹.

Представляет интерес письмо Н. Н. Тагунова президенту АН СССР С. И. Вавилову от 1 апреля 1946 г., в котором он благодарит академика и его сына за перевод и редактирование книги о выдающемся американском физике-экспериментаторе Р. Вуде¹⁴⁰. Тагунов и Вавилов были знакомы лично. В письме Никифор Николаевич сообщает, что получил путевку в санаторий для больной жены, напоминает о своих бытовых проблемах после переезда в Москву в 1931 г.¹⁴¹ В письме прослеживаются взгляды Никифора Николаевича на целый ряд современных ему проблем и его интерпретация некоторых тезисов книги. Прежде всего, надо отдать должное С. И. Вавилову. В ситуации начинавшейся «холодной войны» и противостояния с США советский физик оценивал американского коллегу самым восторженным образом¹⁴². В свою очередь, Н. Н. Тагунов по-своему интерпретирует некоторые пассажи книги. Например, автор

называет Р. Вуда «сверходаренным американским мальчиком, который не стал взрослым за всю свою жизнь»,¹⁴³ имея в виду, что его герой сохранил на всю жизнь интерес и удивление перед загадками природы. Никифор Николаевич отвечает на это в стиле борца с низкопоклонством перед Западом: «Не в пример американским наши русские ребята вырастают. И вырастая... продолжают оставаться самыми дерзкими и оригинальными творцами науки. А не только экспериментаторами, вроде Вуда и К^о, которые так и не вырастают, то есть не вылезают из ползучего эмпиризма экспериментаторов, не поднимаются до уровня мыслителей, делающих сознательно... эпохи в науках»¹⁴⁴.

Конечно, остается вопрос, насколько искренни были эти высказывания. В архиве сохранилось стихотворение Тагунова о Сталине, написанное в эти же годы, которое, конечно, не предназначалось для посторонних глаз.

Из протокола ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)¹⁴⁵

Каганович¹⁴⁶:

— Пантуфель¹⁴⁷ принес нам печальные вести:

Еврейский Народ отказался от чести
Активно вступить на борьбу со злодеем.
Он в массе остался трусливым евреем.

Союза Советов другие народы
Законно полны к нему гнева и злобы.

Меня опозорил Еврейский Народ —
Не вождь уж теперь ему я, а урод...

Типичной народной еврейской черты —
Бежать с поля боя, податься в кусты —
Лишен уж давно я. Не мне трусом быть
И правнуком Ноя, как видно, не быть.

Народ теперь свой я готов растерзать,
Казацкою плетью на бой поднимать.
Дозвольте мне Тору ему прописать!

Сталин:

— Пусть рыцарь Свободы товарищ Андреев¹⁴⁸

От гнева Народов спасает евреев.

Не хуже тебя он их может любить...

Но в гнев любовном не будет лупить.

Поскрёбывшев:

Записывает слова Сталина как решение.

Сталин:

Подходит к настольной картотеке членов ВКП(б), вынимает свежееотпечатанную карточку из незаполненного ящика и, глядя на нее:

— Седьмой мильон бойцов отважных

Под знамя Ленина вступает.

И на фронтах Отчизны славных

Геройской смертью умирает...

Вкладывает карточку обратно в ящик и, оглядывая картотеку в целом:

— Вот мертвые, а вот живые.

Мильон остался из шести...

И всё вчера лишь принятые...

Да и мильон едва ли наскрести,

Но как один бойцы лихие.

А это что?
Берет особо секретную группу карточек из числа мертвых:
— Среди убиенных
Я нахожу от жизни отрешённых
Решеньями ЦК
И Тагунова-дурака.
Таких как он, ума лишённых,
Средь мертвых горсть невелика,
Десятка два, пяток едва ли,
Что роль свою умом играли,
С него сойдя наверняка,
Что чувствами в работе брали,
Дойдя до званья простака.
Из партии мы их убрали,
Чтоб не валяли дурака.
Десятков пять ума лишённых,
От жизни нами отрешённых,
Все к ряду с мертвыми лежат...
Ошибкой было б оглушённых
Всех убиенными считать...
Берет карточку Тагунова Никифора и читает прикрепленное к ней заявление:
— Прошу у Партии прощенья:
Пред ней виновен только в том,
Что сам себя без сожаленья
Публично отхлестал кнутом.
И всем бойцам на удивленье
В себя я выстрелил потом,
Себя тем самым критикуя
За то, что Ленинский закон,
Как Сталин, в партии не чту я,
Таким же грубым стал, как он,
И быть мерзавцем не хочу я.
Никифор Тагунов.
Сталин:
Сей пред Народом — не виновен.
Его свободу защищая,
Себе он голову сломал...
Народ от гибели спасая,
Геройски он на поле пал...
Его он преданный был воин
И ныне... жизни он достоин.
Перекладывает карточку из отдела мертвых в отдел живых.
Маленков¹⁴⁹:
— А как с другими дураками
Ты мне прикажешь поступить?
Их пять десятков (между нами)...
Не знаю, где их положить.
Сталин:
Я полагаю воскресить
Их жизни, друг, пора настала.
Пусть сердцем люди будут жить,
Коль головой жить перестали.
Народу правдою служить...

Без рук, без ног другие стали...
 А эти — головы отдали,
 Чего же с ними нам мудрить.
 Коль жизнь без головы прожили,
 И две сумеют, друг, прожить.

Выписка верна: Поскрёбышев, 11 марта 1949 года (?)
 Переписал: Никифор Тагунов, 1 марта 1946 года, Москва.

В рукописи у даты 11 марта год 49 — жирно исправлен, поэтому у дат нестыковка: переписал — 1946, а выписка (утвержденная Поскрёбышевым?) — 1949¹⁵⁰.

Судя по содержанию (о еврейском народе), стихотворение скорее надо датировать 1949 г. К сожалению, мы мало знаем о последующих годах жизни Никифора Николаевича. В 1950-е гг. он жил в Москве по адресу: Скатерный пер., д. 5, кв. 3. Писал стихи. Умер в Москве 12 апреля 1968 г.¹⁵¹ Так закончилась жизнь человека талантливого, представлявшего ту часть российской молодежи, которая в начале XX в. мечтала об обществе равенства и справедливости, которая бросилась в омут революции, Гражданской войны. В эти годы они привыкали к мысли «винтовка решает все», к лозунгу «Кто не с нами, тот против нас». Это была трагедия многих тысяч людей. Часть из них сами попали потом в жернова репрессий. Другие до конца оставались уверены в своей правоте. Наконец, третьи, как Никифор Николаевич Тагунов, постепенно, хотя бы частично, учились пересматривать свое прошлое, свою собственную биографию.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 4, 5 об.

² Тагунов Никифор Николаевич // Владимирская энциклопедия: биобиблиогр. словарь. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/a/48-1-0-4847> (дата обращения: 01.07.2020).

³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 2–2 об.

⁴ Тагунов Никифор Николаевич. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/a/48-1-0-2896> (дата обращения: 01.07.2020).

⁵ Местечко Гусь-Хрустальный в 1917 г. // Владимирская энциклопедия: биобиблиогр. словарь. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/gus/p/60-1-0-2908> (дата обращения: 01.07.2020).

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 3.

⁷ Тагунов Никифор Николаевич. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/a/48-1-0-4847> (дата обращения: 01.07.2020).

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 3.

⁹ *Николай Павлович Сахаров* (1893–1951, Сан-Франциско) окончил Муромское реальное училище (1911), в годы Первой мировой войны командир роты, награжден семью боевыми орденами. После поражения восстания в Сибири в белой армии; командир полка, дивизии. С 1922 г. в эмиграции.

¹⁰ Красная книга ВЧК. Т. 1. Изд. 2-е, уточненное. М., 1989. С. 128–138.

¹¹ Сообщено Н. И. Щелоковой, завучем 16-й школы г. Мурома. Архив автора.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 3.

¹³ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 719, 730, 738, 740, 766,

¹⁴ Институт красной профессуры (ИКП) создан в феврале 1921 г. как высшее учебное заведение ЦК ВКП(б). Курс обучения три года, с 1924 г. — четыре года.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/1. Л. 3.

¹⁶ *Энчмен (Енчмен) Э. С.* (1891–1966) — автор книги «Теория новой биологии», предлагал идею биологического перерождения людей. С резкой критикой теории в 1923 г. выступил Н. И. Бухарин.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 24.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 513.

¹⁹ Там же. Ф. 100. Д. 16061. Л. 17.

²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 516.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/2. Л. 4.

²² Там же. Д. 69978/1. Л. 1, 3–4.

²³ Там же. Д. 62012/2. Л. 7.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 87. Л. 2, 174, 264, 269, 271.

²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 69978/1. Л. 1, 4.

²⁶ Там же. Д. 62012/2. Л. 10; Д. 69978/1. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Д. 62012/2. Л. 10.

²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 817.

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Подробнее см.: *Раков Т. Н.* Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. С. 64–68.

³² *Клявс-Клявин А. Я.* (1888–1937) — член партии с 1904 г. Стронник новой оппозиции. Расстрелян 22 ноября 1937 г.

³³ *Горячев Г. А.* — член партии с 1909 г. После 1917 г. на партийной работе в Петрограде (Ленинграде).

³⁴ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 24. Л. 126. *Тойво А. И.* (1893–1937) — ответственный организатор Центрального района. Расстрелян 16 марта 1937 г.

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1-1. Д. 157. Л. 42.

³⁶ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 130. Л. 165; Д. 136. Л. 82; Д. 160. Л. 311.

³⁷ *Евдокимов Г. Е.* (1884–1936) — член РСДРП (с 1903 г.) и ЦК РКП(б) в 1919–1920 и в 1923–1927 гг. С сентября 1925 по 8 января 1926 г. ответственный секретарь Ленинградского губкома, сторонник Зиновьева. Расстрелян 25 августа 1936 г.

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 130. Л. 27–29. *Богушевский В. С.* — член РСДРП(б) с 1917 г. В журнале «Большевик» (1925. № 9–10. С. 59–64) опубликовал статью «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии», придя к заключению об исчезновении в советской деревне кулачества «как специфического типа сельского эксплуататора». После признания ошибок был прощен. Делегат XVII съезда ВКП(б). Расстрелян 31 марта 1939 г.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 130. Л. 29–33.

⁴⁰ Там же. Л. 33 об.

⁴¹ Там же. Л. 38, 45, 46 об.

⁴² Там же. Л. 56 об. — 58 об.

⁴³ Там же. Л. 62 об.

⁴⁴ Сводки приема И. В. Сталиным посетителей за 1925–1928 гг. URL: <https://istmat.org/node/2812> (дата обращения: 03.02.2021).

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 24. Л. 135.

⁴⁶ Там же. Л. 126.

⁴⁷ Там же. *Гордон Н. И.* (1884–1937) — член партии в 1915–1934 гг., сторонник новой оппозиции. Расстрелян 13 марта 1937 г. *Сафаров Г. И.* (1891–1942) — член РСДРП с 1908 г., редактор «Ленинградской правды» в 1924–1925 гг. Расстрелян 27 июля 1942 г.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 24. Л. 126.

⁴⁹ Там же. Л. 127–129.

⁵⁰ Там же. Л. 130.

⁵¹ *Куклин А. С.* (1876–1936) — член РСДРП с 1903 г. В марте 1925 — январе 1926 г. заведующий орготделом Ленинградского губкома РКП(б), активный участник новой оппозиции. Расстрелян 24 августа 1936 г. *Наумов И. К.* (1895–1938) — член РСДРП с 1913 г. Заведующий агитационно-пропагандистским отделом Ленинградского губкома. Сторонник оппозиции. Расстрелян 8 февраля 1938 г. *Саркис Д. А.* (1898–1938) — член РСДРП с февраля 1917 г., в 1921–1925 гг. заведующий орготделом Петроградского (Ленинградского) губкома РКП(б), сторонник оппозиции. Расстрелян 12 августа 1938 г. *Ярослав Я. М.* (1895–1937) — член РСДРП с 1915 г. С января 1925 по январь 1926 г — заместитель заведующего орготделом Ленинградского губкома ВКП(б). Сторонник новой оппозиции. Расстрелян в 1937 г.

⁵² РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 24. Л. 130–135.

⁵³ Там же. Л. 142–145. *Середохин А. К.* (1903–1939) — член партии с 1920 г., заведующий орготделом Ленинградского губкома ВЛКСМ. Защищал взгляды новой оппозиции. Осужден 16.01.1935 на 5 лет. Умер в заключении в 1939 г.

⁵⁴ *Раков Т. Н.* Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг. С. 67.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁹ *Быстрянский (Ватин) В. А.* (1886–1940) — член РСДРП с 1907 г. Советский историк и публицист.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 9.

⁶¹ Там же. Л. 11–12.

⁶² *Сленков А. Н.* (1899–1937) — член РКП(б) с 1919 г. В 1924–1928 гг. член редакций газеты «Правда» и журнала «Большевик». Сторонник Н. И. Бухарина. Расстрелян 26 мая 1937 г. *Богуславский М. С.* (1886–1937) — член РСДРП(б) с 1917 г. Советский и партийный работник, сторонник Троцкого. Расстрелян 1 февраля 1937 г. *Варейкис И. М.* (1894–1938) — член РСДРП с 1913 г. С 1920 г. секретарь ряда губкомов и областей. С 1930 г. член ЦК ВКП(б). Расстрелян 28 июля 1938 г.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 13–14.

⁶⁴ *Устрялов Н. В.* (1890–1937) — философ, политический деятель, идеолог «сменовеховства». В 1920–1935 гг. в эмиграции в Харбине. В 1935 г. вернулся в СССР. Расстрелян 14 сентября 1937 г.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 17.

⁶⁶ Там же. Л. 4.

⁶⁷ Там же. Л. 19.

⁶⁸ *Ярославский (Губельман) Е. М.* (1878–1943) — член РСДРП с 1898 г. После 1917 г. на руководящих советских и партийных постах.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 19.

⁷⁰ Там же. Л. 19, 21, 22.

⁷¹ Там же. Л. 23.

⁷² Там же.

⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/2. Л. 15, 16.

⁷⁴ Там же. Л. 20.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 25.

⁷⁶ Там же. Л. 27–30.

⁷⁷ Там же. Л. 24–28.

⁷⁸ *Сапронов Т. В.* (1887–1937) — член РСДРП с 1912 г. и ЦК РКП(б) в 1922–1923 гг. В 1920–1921 гг. один из лидеров фракции «демократического централизма», исключен из партии в декабре 1927 г. Расстрелян 28 сентября 1937 г.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 25.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 25–28.

⁸² Объединенный пленум ЦК и ЦКК проходил 21–23 октября 1927 г.

⁸³ *Косиор С. В.* (1889–1939) — член РСДРП с 1907 г. В 1925–1928 гг. — член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б). Арестован 3 мая 1938 г. Расстрелян.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 31.

⁸⁵ Там же. Л. 53, 55–58.

⁸⁶ Там же. Л. 32. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса был создан в январе 1921 г.; Институт В. И. Ленина — в 1923 г. на правах отдела ЦК РКП(б). 3 ноября 1931 г. был создан Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

⁸⁷ *Троицкий А. Я.* (1894–1928) — член партии с 1917 г., проректор ИКП и секретарь парторганизации, член редколлегии журнала «Под знаменем марксизма», сторонник А. М. Деборина.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 45–46.

⁸⁹ Там же. Л. 52. *Карев Н. А.* (1901–1936) — в 1917 г. левый эсер, затем член РКП(б). С 1926 г. профессор кафедры философии МГУ. С 1929 г. заместитель директора Института философии. В 1933 г. сослан в Уфу. Расстрелян 11 октября 1936 г.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 51. *Березин Н. С.* (1899–1938) — член РСДРП(б) с февраля 1917 г. С сентября 1926 г. — преподаватель ИКП. Доктор экономических наук. С 11 марта 1932 г. — член редколлегии журнала «Большевик» и газеты «Правда». Расстрелян 29 июля 1938 г.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 45–50.

⁹² Там же. Л. 47, 48, 50.

⁹³ Там же. Л. 33.

⁹⁴ *Деборин (Иоффе) А. М.* (1881–1963) — меньшевик в 1907–1917 гг., член ВКП(б) с 1928 г. Окончил философский факультет Бернского университета (1908). С 1921 г. руководитель философского отделения ИКП, в 1924 — начале 1931 г. — заместитель по научной части директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1926–1930 гг. — ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма»; с 1929 г. директор Института философии Коммунистической академии. С февраля 1929 г. академик АН СССР. С 1930 г. подвергался резкой критике, но продолжал научную деятельность.

Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (1870–1938) — член РСДРП с 1898 г. Оппонент Плеханова и Ленина. Член РСДРП(б) с августа 1917 г. Основал и возглавлял Институт К. Маркса и Ф. Энгельса в 1921 — феврале 1931 г. Академик АН СССР с 1928 г. В феврале 1931 г. исключен из АН СССР, выслан в Саратов. Расстрелян.

⁹⁵ Написана в 1915 г. Впервые опубли.: *Большевик*. 1925. № 5–6. С. 101–105; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 316–322.

⁹⁶ *Большевик*. 1925. № 5–6. С. 103. По словам Н. Н. Тагунова, эту рукопись в Институте В. И. Ленина расшифровывал А. М. Троицкий (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 34).

⁹⁷ *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике // *Под знаменем марксизма*. 1925. № 5–6. С. 14–18. Публикации предшествовала статья А. М. Деборина «Ленин о сущности диалектики» (Там же. С. 5–13).

⁹⁸ *Ленин В. И.* К вопросу о диалектике. С. 16.

⁹⁹ Там же. С. 15–16; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 32.

¹⁰¹ Там же. Л. 40.

¹⁰² Там же. Л. 39.

¹⁰³ Там же. Л. 41.

¹⁰⁴ Там же. Л. 32.

¹⁰⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 249, 432.

¹⁰⁶ Подробнее об этом см.: *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // *Скепсис: научно-просветительский журнал*. URL: https://scepsis.net/library/id_329.html (дата обращения: 13.07.2020).

¹⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 62012/2. Л. 23, 25.

¹⁰⁸ Там же. Д. 69978/2. Л. 9.

¹⁰⁹ Там же. Д. 62012/2. Л. 33–34.

¹¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 11. Л. 109.

¹¹² ГА РФ. Ф. А539. Оп. 7. Д. 4133. Л. 13 об.

¹¹³ *Комаров Н. П.* (1886–1937) — член РСДРП с 1909 г. С 1917 г. на советской и партийной работе. С 26 марта 1926 г. по 10 января 1930 г. — председатель Ленинградского губернского (областного) исполкома. С 20 июля 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Кандидат в члены ЦК РКП(б) / ВКП(б) (04.1922 — 04.1923; 02.1934 — 25.06.1937), член ЦК РКП(б) / ВКП(б) (03.1921 — 04.1922; 04.1923 — 01.1934). Расстрелян 27 ноября 1937 г.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 62.

¹¹⁵ *Поскрёбышев А. Н.* (1891–1965) — с 1924 г. помощник генерального секретаря ЦК, заведующий Секретным (Особым) отделом ЦК ВКП(б), заведующий канцелярией И. В. Сталина.

¹¹⁶ *Жданов А. А.* (1896–1948) — член РСДРП с 1915 г. С 1917 г. на советской и партийной работе. С 15 декабря 1934 г. первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). Член Политбюро с 1939 г.

¹¹⁷ *Румянцев В. В.* (1902–1934) — член РКП(б) с мая 1920 г., секретарь Ленинградского губкома комсомола, секретарь ЦК ВЛКСМ. Участник новой оппозиции. Расстрелян 29 декабря 1934 г.

¹¹⁸ *Пылаев Г. Н.* (1894–1937) — член партии с 1912 г. С 1920 г. на хозяйственной и партийной работе: заведующий Ленинградским областным финансовым отделом, председатель Ленинградского областного Совета народного хозяйства, уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по Ленинградской области. Расстрелян 26 октября 1937 г.

¹¹⁹ *Осипов А. В.* — заведующий орготделом горкома ВКП(б), в 1931–1932 гг. третий секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

¹²⁰ *Абрамов И. П.* (1884–1935) — член партии с 1906 г. После Гражданской войны на руководящей партийной, хозяйственной и профсоюзной работе.

¹²¹ *Струнне П. И.* (1889–1937) — член партии с 1907 г. Участник Гражданской войны. С 1926 г. в Ленинграде: второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), председатель Ленинградского облисполкома. С 1934 по 29.06.1937 — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян 30 октября 1937 г.

¹²² *Царьков Ф. Ф.* (1888–1938) — член партии с 1906 г. С 1926 г. заведующий Ленинградским губернским отделом народного образования, председатель Ленинградского облисполкома. В 1930–1934 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян 13 мая 1938 г.

¹²³ *Бабицын А. А.* (1891–1982) — член партии с 1915 г. В Ленинградском губкоме с 15 июня 1925 г.: заведующий учетно-распределительным отделом, секретарь Череповецкого окружкома (с 4.05.1928). С февраля 1932 по 15 октября 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б), помощник заведующего распределительным и промышленным отделами. С июля 1957 г. персональный пенсионер союзного значения.

¹²⁴ *Сааков О. А.* (1890–1938) — член партии с 1907 г. Активный участник Гражданской войны. Член РВС и начальник Политуправления Ленинградского военного округа (03.1925–1930). Расстрелян 28 апреля 1938.

¹²⁵ *Блюменталь С. М.* (1885–?). Член партии с 28 декабря 1920 г. В Петрограде с октября 1921 г. Заместитель организатора I Городского района Петрограда (1922), член редакции «Красной газетъ».

¹²⁶ *Свешников Н. Ф.* (1888–1969, Ленинград) — член партии с 1907 г. С 1913 г. в Петрограде. С осени 1919 г. на партийной работе: заведующий общинным отделом Ленинградского губкома (обкома), заведующий особым сектором обкома (с 1934 г.).

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 60–61.

¹²⁸ *Весь Ленинград на 1931 год.* Л., 1931. С. 456.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 817. Л. 60.

¹³⁰ Тагунов Никифор Николаевич. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/a/48-1-0-4847> (дата обращения: 01.07.2020).

¹³¹ *Кутузов В. А.* Питерский рабочий-революционер — Николай Павлович Комаров // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 100.

¹³² Там же.

¹³³ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 7. Д. 4133. Л. 9.

¹³⁴ Там же. Л. 13–13об.

¹³⁵ Там же. Л. 2.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10640.

¹³⁷ *Судальцева В. И.* Партийная работа на Северном фронте. 1918–1919 гг. Архангельск, 1936.

¹³⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Справка № 871/1-17 от 28.09.2020. *П. И. Чагин* (1898–1967) — советский журналист, партийный и издательский работник, литературный деятель. *В. Я. Кирпотин* (1898–1997) — советский литературовед, доктор филологических наук.

¹³⁹ РГАЛИ. Ф. 2196. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.

¹⁴⁰ Архив РАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 349. *Сибрук В.* Роберт Вильямс Вуд. Современный чародей физической лаборатории / пер. В. С. Вавилова, под ред. С. И. Вавилова. М.; Л, 1946. *В. С. Вавилов* (1921–1999) окончил физфак ЛГУ (1949), д-р. физ.-мат. наук (1960).

¹⁴¹ Архив РАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 349. Л. 7.

¹⁴² *Сибрук В.* Роберт Вильямс Вуд. С. 2.

¹⁴³ Там же. С. 4.

¹⁴⁴ Архив РАН. Ф. 596. Оп. 3. Д. 349. Л. 1–2.

¹⁴⁵ Поэты Муром. Кн. 1, ч. 2 // Муромский информационно-познавательный портал Муром.ru. URL: <http://www.murom.ru/node/17087> (дата обращения: 01.07.2020).

¹⁴⁶ *Каганович Л. М.* (1893–1991) — советский партийный и государственный деятель. Член ЦК партии (1924–1957), секретарь ЦК ВКП(б) (1924–1925, 1928–1939), член Политбюро (Президиума) ЦК (1930–1957).

¹⁴⁷ Кто такой Пантуфель, остается неясным. Существовал образ Пантуфеля-вампира, жившего на Ледяной горе.

¹⁴⁸ *Андреев А. А.* (1895–1971) — советский партийный и государственный деятель. Член ЦК (1920–1921, 1922–1961); секретарь ЦК ВКП(б) (1924–1925, 1935–1946), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1932–1952).

¹⁴⁹ *Маленков Г. М.* (1901–1988) — советский партийный и государственный деятель. Член ЦК (1939–1957); секретарь ЦК ВКП(б) (1939–1946, 1948–1953), член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) (1946–1957).

¹⁵⁰ Поэты Муром. Кн. 1, ч. 2. URL: <http://www.murom.ru/node/17087> (дата обращения: 01.07.2020).

¹⁵¹ Там же.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2020 г.
Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Измозик В. С. Н. Н. Тагунов — корреспондент Сталина // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11, № 4. С. 921–946. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.406>
УДК 94(47).084

Аннотация: Статья посвящена одному из функционеров большевистской партии в 1917 — начале 1930-х гг. Выходец из рабочей семьи, получивший среднее образование, Н. Н. Тагунов (1899–1968) олицетворяет тип молодого большевика, активно участвующего в политической жизни, увлеченного философскими проблемами и непримиримого к любым отклонениям от линии партии. В 1925–1934 гг. он неоднократно направлял письма И. В. Сталину и в ряде случаев получал ответы на свои обращения. В ноябре 1925 г. Н. Н. Тагунов, член бюро райкома Центрального городского района Ленинграда, направил в губком письмо с резкой критикой сторонников Г. Е. Зиновьева накануне XIV съезда ВКП(б). Информация была доведена до Сталина. Н. Н. Тагунов, получив записку Сталина, ответил ему двумя большими письмами о настроениях партийного руководства Ленинграда. Одновременно он пытался заинтересовать Сталина своими теоретическими работами в области философии. После

кратковременного пребывания в Институте красной профессуры в 1927 г. он обрушился с резкой критикой на ведущих в то время философов-марксистов, обвиняя их в серьезных теоретических ошибках. После переезда из Ленинграда в Москву в 1931 г. Тагунов работал в различных учреждениях. В своем последнем письме Сталину (конец декабря 1934 г.) он обвиняет бывшего председателя Ленинградского совета Н. П. Комарова и ряд работников партаппарата в том, что они «вскормили банду зиновьевских убийц». Резолюция Сталина гласила: «Читал. Возможно, что т. Тагунов прав». Письмо было направлено ряду членов Политбюро. С 1940 г. Тагунов был персональным пенсионером.

Ключевые слова: ВКП(б), партия, Ленинград, репрессии, сталинизм, новая оппозиция.

Сведения об авторе: Измозик В. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Россия); izmozik@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Россия, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22/1

FOR CITATION

Izmozik V.S. 'N.N. Tagunov — a Stalin's Correspondent', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 921–946. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.406> (In Russian)

Abstract: The article explores one Bolshevik functionary between 1917 and the early 1930s, N. N. Tagunov. A child of the working class who completed secondary education, Tagunov represents a type of young Bolshevik actively involved in political life, passionate about philosophical problems, and irreconcilable to any deviation from the party line. In 1925–1934, Tagunov repeatedly sent letters to Joseph Stalin and several times received responses. In November 1925, Tagunov, as a member of the district committee bureau of the Central city district in Leningrad, sent a letter to the gubkom with sharp criticism of Zinoviev's supporters on the eve of the Fourteenth party congress. Information about Tagunov's letter was brought to Stalin, who replied to Tagunov; Tagunov in turn sent Stalin two long letters about the mood of Leningrad's party leadership. At the same time, Tagunov tried to interest Stalin in his own theoretical works in the field of philosophy. After a short stay at the Institute of Red Professors in 1927, he sharply attacked leading Marxist philosophers of the time, accusing them of serious theoretical errors. At that time Stalin did not support Tagunov. After moving from Leningrad to Moscow in 1931, Tagunov worked in various institutions. At the end of December 1934, he sent Stalin a long letter for the last time, accusing former chairman of the Leningrad Soviet N. P. Komarov and a number of employees of the Party apparatus of feeding a gang of "Zinoviev's murderers". Stalin's resolution read: "I read it. It is possible that comrade Tagunov is right". The letter was sent to a number of Politburo members. After 1940 Tagunov was a personal pensioner.

Keywords: VKP(b), Party, Leningrad, repression, Stalinism, New Opposition.

Author: Izmozik V.S. — Dr. Sci. in History, Professor, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia); izmozik@mail.ru

The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, 22/1, pr. Bolshevikov, St. Petersburg, 192232, Russia

References:

- Kutuzov V. A. 'St. Petersburg worker-revolutionary — Nikolai Pavlovich Komarov', *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 2, iss. 2, 2007. (In Russian)
- Rakov T. N. *Political Practices of the Bolshevik Organization of Leningrad in the discussions of 1921 and 1925* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- The red book of VChK*, ed. A. S. Velidov (Moscow, 1989). (In Russian)
- Seabrook W. *Doctor Wood, modern wizard of laboratory*, transl. V. S. Vavilov, ed. by S. I. Vavilov (Moscow — Leningrad, 1946). (Rus. ed.)
- Suzdaltseva V. I. *Party work on the Northern Front. 1918–1919* (Arkhangelsk, 1936). (In Russian)

Received: June 13, 2020

Accepted: September 6, 2021